

В. В. Щербakov

ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ГРАЖДАНИН

сборник рассказов

Владлен Щербаков
Законопослушный гражданин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24117380

Аннотация

Околополитические рассказы разных лет. Присутствует ненормативная лексика.

Содержание

Законопослушный гражданин	4
	5
Массовые расстрелы не спасут Родину	12
Блогерам посвящается	21
Собака Кабанова	27
Фирма, которая прогорела	32
Avenger	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Законопослушный гражданин

Околополитические рассказы разных лет

Пчелы Фантомаса

«Президент РФ Владимир Путин выразил недовольство качеством жилищно-коммунальных услуг в стране, выступая на конференции ОНФ в четверг. Он признался, что даже у него иногда течет из крана ржавая вода».

–Я очень давно уриротерапией занимаюсь, – жизнерадостный Фантомас не обращал внимания на улыбки зрителей.

–Поначалу даже жене не говорил – она скептик большой. Действительно, человека, который не понимает механизма, как это действует, как это можно от чего-то излечиться с помощью приема мочи, которая выбрасывается на самом деле, трудно убедить словами.

Крупный холеный мужчина сидел на низком диване, объектив телекамеры постоянно натыкался на широко раздвинутые ноги.

–Я изменил питание, рецепт кое-какой припомнил, – продолжал убедительно гэкать адепт народной медицины. – Стал я упаривать продукт свой, запаха не стало, вкус совсем изменился. Жена несколько лет пьет, у нас медовый месяц каждый год, возраст словно назад повернулся.

–Когда у нас леса горели, мне за 200 верст в заповедник приходилось каждый день ездить. – вещал на всю страну веселый знахарь. – Непросто это с полным баком «топлива»,

ха-ха-ха. Я на полянке баночку наполню, на солнышко поставлю, моча выпаривается, пчелки на нее как на мед собирались.

Ведущая дневной передачи о здоровье откинула волосы и возбуждающе засмеялась...

– Знала бы ты, Аленушка, какие люди моими снадобьями пользуются! – Геракл положил длань на полнеющую, но очень аппетиную жопку своей спутницы. Они спустились в кафе позавтракать.

Вечно надутые губки Алены кокетливо улыгнулись.

– Кто же, Геракл Проклович?

– А это секрет. Государственный! – понизил голос тезка полубога.

«Амброзия, чистая амброзия!» Аккуратный человечек склонил голову направо, по-детски наивные глаза устремились в седину сентябрьского неба. Бабье лето еще хранило в воздухе частички смога.

«Ничего Володя не понимает!»

Бронированные стекла открывали вид на бесконечный поток автомобилей и не выпускали кондиционированный горный воздух.

Мужчина на уровень глаз поднял бокал с янтарной жидкостью, солнечный лучик подмигнул ему.

Улыбнувшись своим мыслям, человек посмаковал содержимое бокала, через минуту поставил его на стол. Взял неброскую бутылку с криво приклеенным обрывком тетрад-

ного листа. На самодельной этикетке крупными кривоватыми буквами было написано: Геракловка+, лечебное действие – 48 часов.

«Хоть и просроченная немного, а какой эффект, летать хочется, эрекция, как у пятнадцатилетнего негра.»

Последняя – пришла горькая мысль.

–Наталья Алексеевна, зайдите, пожалуйста! – приказал в микрофон на столе.

Неслышно открылась дверь, мягкий ворс ковровой дорожки скрыл шаги пресс-секретаря. Молодая женщина подошла, но не смогла поднять взгляд.

–Не нашли.– догадался хозяин кабинета.

–Мне придется тебя наказать! Причем сейчас же!

Женщина виновато и с облегчением улыбнулась, подошла к столу, сделала попку краником, оглянулась из-под челки: через разрез юбки было видно, что трусиков она не носит...

В заповедных лесах Подмосковья уютно спряталась белокаменная усадьба. Купец Рублев знал, где выбрать место для родового гнезда. В километре через сочный лужок сверкала рябью синяя речка. Пчелки – божьи созданыя собирали пыльцу с ромашек и клевера. Мерно жужжа, несли свою добычу в круглые улья. Кажется, появится сейчас пастушок с потрепанным кнутом на плече, сложит ладошки и крикнет...

–Где этот ****ый Фантомас?! – комиссар Жюв был похож на рассерженного Винипуха, – с поличным взяли?

Сам Юлий Никандрович представлял себя этаким Жегловым. Кожаный плащ должен был подчеркивать справедливую суровость его действий.

– Не успел ссаки свои расплескать! – кровожадно усмехнулся начальник СБ. – Мальчишки его сразу нашли по запаху, руки заломали, даже натурой стал расплачиваться.

– Обоссался от страха, – объяснил на вопросительный взгляд.

Мужчины шли по подвальному коридору. Толстые стены, низкие потолки в середине прошлого века слышали много подобных речей.

Главный телохранитель Винипуха-Жеглова предупредительно толкнул дверь в конце коридора.

– Как, парни, не подох еще?

Два шкафчика в белых рубашках с засученными рукавами оторвались от своего занятия. Дисциплинированно расступившись, позволили убедиться в исправности своей работы.

Оголенный по пояс знахарь был привязан к тяжелому стулу. Плотное тело маслянилось от пота. Голова безвольно упала на синеющую грудь. Резко пахло мочой, совсем не похожей на амброзию.

– Они чего с ним сделали? – возмутился хозяин усадьбы. – Я же приказал – не уродовать. Без меня.

– Все в порядке, шеф, – один шкафчик раскрыл дверцу.

Услышав смутно знакомый голос, пленник поднял го-

лову, но заплывшие глаза не смогли точно вычислить шефа. Геракл скороговоркой забормотал:

–Я же всего две баночки. Они очень просили, даже не за деньги, в Колумбию, говорили, поедешь, вуду научим.– из разбитых губ пузырились слюни.– Я вам сколько надо теперь, только по почкам не бейте, пожалуйста, – заплакал страдалец.

–На*уя мне твои баночки, клизма ты рваная! Сюда смотри! – Юлий Никандрович сунул под нос кулак и разжал короткие пальцы. На ладони лежало мертвое черно-желтое тельце.

–Ты знаешь, коновал, сколько она стоит? Это – матка! Она дороже, чем вся твоя телеаптека! А знаешь, почему она пчелок не рожает? Потому что мочи твоей ослиной нанюхалась! Ты, падла, мне всю пасеку угробил!

Суровый пасечник втер труп пчелы в деформированное лицо оппонента.

–Шеф, он все какой-то Наташке буровит позвонить. Может, его того, на скульптуру отдать?

–Не надо. Ни к чему грех на душу брать. Отбейте яйца, ширните чем надо и бросьте у дурдома в какой-нибудь Ростовской области.

–Куда ты пропал?! Вынь письку изо рта! – интеллигентность аккуратного человека не позволила ему выразиться иначе.

–Что? Кто тебя похитил? Почки отбили? – потребовалось

все самообладание, чтобы до конца выслушать мало похожее на речь эмоциональное мычание. Через несколько минут интеллигент с каменным лицом выключил айфон. Аккуратно положил заморский подарок на стол и решительно ткнул в кнопку селектора.

– Наталья, срочно! Бумага, ручка, ко мне! – не своим голосом рыкнул невысокий мужчина.

От услышанной интонации Наталья Алексеевна резко захотела пописать, она схватила бланки с грифом «Особой важности», и, как позволили дрожащие ноги, метнулась к хозяину.

– В течение 2 часов подготовьте указ: «В связи с утратой доверия...»

«Альпийский воздух чист и свеж и полон Юлькиных надежд». Напевал про себя Юлий Никандрович. Он любовался игрой солнышка на снегу горных вершин. Перед ним стелилась изумрудная травка, любимая клюшка № 5 еще никогда его не подводила. Поле для гольфа немного напомнило игроку собственную лужайку в рублевской усадьбе. Досадное происшествие понемногу забывалось. Новые пчелки обживали авторские улы, готовились лечь баиньки с наступлением холодов.

– Дорогая моя столица, золотая моя Москва! – из кармана жилетки раздался голос Кобзона.

– Кто это посмел меня побеспокоить? – Благодушно удивился чиновник, доставая Верту.

На расстоянии вытянутой руки трудно разглядеть номер звонившего. Нажал кнопку приема, неспешно поднес к уху...

На монголоидном лице последовательно отразились гримасы удивления, растерянности, испуга, ужаса...

Парализованными пальцами нажал кнопку отбоя. Швейцарская земля зашаталась под россиянскими ногами.

«Нет, такого не может быть, это какая-то ошибка!» Пульсирующая мысль спасла от инсульта. Сигнализируя о пришедшем СМС, вякнул телефон.

Обострившееся в критической ситуации зрение позволило разглядеть на дисплее страшные слова. Щупальцами злого кальмара они схватили за сердце: «И кепку свою ****ую забери!»

2010 год

Массовые расстрелы не спасут Родину

На верхней стороне зеленого кубика отблескивает лунка. Воск плавится к центру. Свеча похожа на отфотошопленное яблоко. Таких яблок четыре в изголовье кровати. Легкий аромат заполняет уютную комнату. Ложе низкое, на окне опущена штора с каким-то иероглифом, интерьер стилизован под японский. Наполовину укрытые простынями на кровати лежат любовники. В молодой женщине угадывается примесь азиатской крови, а мужик лет за сорок на вид к Японии имел отношение другим образом. Оба молчали, удовлетворенные друг другом.

Оперевшись на локоть, девушка лежала на боку. Намакиюренный пальчик скользил по груди мужчины. Тренированные мускулы натягивали загорелую кожу.

«Мы были бы красивой спортивной парой. Если бы я родилась лет на 20 раньше. Где теперь таких мужиков найдешь!»

Эксклюзивный мужчина лежал с закрытыми глазами, лицо – мавзолейная маска.

– Какой же ты у меня романтик! – восхищалась девушка. – Без охраны среди бела дня на такси примчался!

«Оно, конечно, романтик. А еще с этими долбодубами сидеть неохота. Прямой эфир, могу не сдержаться – роман-

тик, ага». Кончики губ изогнулись вверх.

Рядом с «яблоками» завибрировал мобильник. Не открывавая глаз, романтик бросил руку за голову. Пламя свечи не успело поколебаться, телефон возле уха.

«Айфоня ****ый!» Сжались стальные пальцы, пластик хрустнул, романтический терминатор одним движением сел на кровати.

– Я Калину твою возьму?– подумал: «хорошо, что не желтая».

– Конечно, Петя! Ключи в сумочке. Что-то случилось? – глаза девушки стали огромными, но все равно со смешинкой. Такой уж характер, тем и привлекала суровых мужчин.

– Щас приеду и случится! – Петя уже застегивал «бомбер». Из сумочки взял ключи, нацепил солнцезащитные очки. Да хоть с мешком на голове, все равно узнают по походке! Петр Петрович Вовин поджал губы: «*** с ним, только бы до машины незамеченным добраться!»

– Алл би бек, Алена! – Петр Петрович приподнял очки, подмигнул.

Девушка белозубо засмеялась, забрасывая шелк черных волос за спину.

Белая Калина мерно двигалась в потоке автомобилей. Пробок днем быть не должно. В нормальных Европейских городах.

– Как он не понимает, что модернизация не бывает бес-

платной!

«Сейчас заплачет». Вовин уже несколько минут слушал жалобы узкоплечего человечка с большой головой.

– Деметрий Дерьмидонтыч, вы скажите толком, за что уволили министра?

– На всю страну в прямом эфире заявил, что я деньги не туда, куда надо трачу! – голова Дементия Дерьмидонтыча на тоненькой шее тянется вверх, ладошка опускается на стол. Звук удара не получился, скорее как пукнул кто-то.

– Как он не понимает, что без интернета и резиновых танков с нами никто в мире считаться не будет! Мы уже модернизировали МВД! Стоило только переименовать милицию, как граждане буквально на глазах стали законопослушными! Правильно я говорю, Расул Гамзатович?

– Совершенно правильно!

– Вот поэтому я предложил господину Кудряшкину покинуть пост министра финансов и уйти в отставку. И я всем ответственно заявляю, что не позволю над собой издеваться!

Дементий Дерьмидонтыч заморгал, вскочил с кресла и сорвавшимся голосом закончил:

– Все свободны, господа! – И первым выбежал из своего кабинета.

«Запись в блогик делать побежал».

– Господа, *** с ним с Айфоном – скоро все равно менять по гарантии. Будем считать, главбух в отпуске. – Петр Пет-

рович по-хозяйски откинулся в кресле.

– Меня сейчас интересует другое. Несколько часов назад я проехал через весь город за рулем обычного автомобиля. Я был поражен, как наши граждане не соблюдают элементарных правил поведения. Именно этим и отличается наша страна от Европы – если обманывать и ловчить в таких ничтожных вещах, то почему бы не воровать, не грабить по-крупному? (Без меня)

– Народ – это стадо баранов. – Расул Гамзатович являлся спецом по бараньей части.

– Вы мне скажите, кто баранами их сделал это раз и кто баранам зебр везде подложил.

– Распустился народ. Похоже, даже массовые расстрелы уже Родину не спасут. – подал голос толстяк в черном костюме.

– Массовые? Массовые, может, и не понадобятся. Есть у меня одна идея. – Вовин встал.

– Расул Гамзатович, идите йогой позанимайтесь. Вы тоже, Сердюк, идите, тренируйте солдатские щеки, чтобы танки за 45 секунд надували.

– Значится так, Иван Иванович, – после ухода толстого и тонкого продолжил Вовин.

– Сколько вы можете выделить людей без ущерба для государственной безопасности?

– Ты посмотри на этих уродов! Мало им снова личный со-

став от дел отрывают, так они еще как девок на базаре выбирают. Этого повыше, того пониже, другого чтоб на бабу похож был. Совсем в Москве офуели! Свяжись с отделом кадров, под видом инспекции проедешь по отделениям, выбе-решь кого надо. Два месяца! Чего они там делать будут? Во-ла е***ь – опять в толпе ходить, демонстрации долбо**ские устраивать! – Откровенность начальника захолстного отдела ФСБ объяснялась родственной связью с замом.

– Яволь, папа!

– Какой я тебе папа! На 10 лет старше! Смотри у меня, не дай бог дочка пожалуется!

– Феликс Прокрустович, ваша дочь для меня как именной ПМ – потерять не имею права!

Ветер играет желтыми листочками, солнышко давно высушило асфальт, воздух чист и прозрачен. Где то далеко за МКАДом. Над перекрестком многополосных дорог воздух – мечта токсикомана. Вазовские катализаторы выброшены за ненадобностью, шахи гастарбайтеров соревнуются выхлопами с КАМАЗами.

Волосы в ноздрях как фильтр противогАЗа после газовой атаки, в сетчатке глаз манящие белые полосы, в мозгах героическая задача – во что бы то ни стало перейти на другую сторону дороги. Обязательно на красный. Иначе не интересно, драйва нет, понимаешь! Как стадо баранов за самым героическим парнокопытным.

Сигналя сначала культурно-вежливо, потом заходясь в истерику, перед табуном останавливается потрепанная девятка. Пара тинейджеров бросают презрительный взгляд, продолжают неспешно переставлять копыта.

Визжат шины, водительская дверь распаивается – аж стойка гнется.

– У вас, что, блять, глаза ****ой обшиты? Красный с зеленым путаете? Вот сверху – это красный! Стой, значит! Снизу – зеленый, иди! – Водитель, брызгая слюнями, машет в сторону светофора.

– Хули ты разорался! – Невесть откуда взявшийся мужик с небритой харей вступается за невнимательных пешеходов.

– Чё, блять, пропустить не можешь? Охуенно крутой? – наезжает харя.

– А ты кто такой? – Стандартная ситуация, пешеходы заулыбались, предчувствую бесплатное развлечение, кто-то уже снимает на мобильник.

– И чё ты мне сделаешь? – Харя чувствует поддержку толпы.

Водитель достает из-за пояса пистолет и стреляет в живот небритому. Толпа в ужасе бежит по обе стороны дороги. Небритый корчится, прижимая руки к животу, темная кровь заливает асфальт. Стрелок садится в машину, спокойно уезжает с места происшествия. Зрители расправы не успевают придти в себя, как, воя сиреной, подруливает «Скорая помощь». Хмурые дяди в белых халатах кидают на носилки по-

страдавшего, щелкает подъемный механизм, никелированный катафалк проезжает мимо зевак к задним дверям. Усиленная вой, «Скорая» срывается с места – путь свободен.

Холодок весело забирается под юбки, стеклопакеты как чешуя золотых рыбок, солнце уже не греет, блестящим пятном закатывается за горизонт. Это игра такая у бабулек – успеть перебежать на красный или перейти, не глядя по сторонам, испытывая мазохический оргазм.

На перекрестке с Тверской и в этот раз сборная пешеходов преимущественно женская. Девки, бабы, ребятишки. Бальзаковские шмары, мамки с детьми под мышку, божьи одуванчики – все бросаются между автомобилями, не обращая внимания на истошные гудки. Очередную группу возглавляет суровая старуха. Пальто вместо шинели, платок фашиста под Сталинградом, костылю только штыка не хватает. Бабуля машет палкой водителям – «красный, зеленый, да хоть синий – идите на ***!»

А мог бы и на капоте прокатить. Но черный Фольксваген останавливается в сантиметрах от старушки. Вылезает здоровенный лысый дядька:

– Куда вы претесь на красный, ****ы с ушами?! – Бальзака явно не читал мужчина.

– Ты чего разорался тут, плешивый! – Бабка намахивается костылем.

Скинхед блокирует удар, апперкот, бабулька хрюкает на

асфальте. Пешеходы в а*уе.

– Со всеми так будет, кто правила не соблюдает! Блеать!–
трясет кулаками поборник ПДД.

Через минуту, как скрылся Фольксавген, нарисовалась
«Скорая помощь». Медбратья растолкали сочувствующих,
бросили бабулю на носилки. «Разойдись, реанимация!» – Ре-
анимобиль стартует за Фольксвагеном.

– Батюшки-светы, – стонет бабка в салоне.

– Средь бела дня! Убили, ироды!

– Чё за ***ня? Уж не попутал чего Кабан? – забеспокоил-
ся санитар.

Люди в белых халатах склонились над старухой. Бабуль-
ка откинула платок, серые глаза внимательно смотрят на вра-
чей, губы расплылись в улыбке.

– Испужались, окаянные? – мужским голосом спросила
старушенция.

Ряженный встал с каталки, из за пазухи вынул помятую
пластину.

– Пробил-таки Кабан, лысая башка. Ничего, скоро его
очередь придет!

«Скорая» мчалась к новому перекрестку...

С десятков человек выстроилось на бордюре. Мужчины
и женщины нервно переминаются.

– Вчера снова мужичка на перекрестке завалили! Что ж
за водители пошли? Нервные все, со стволами! Двух старух

позавчера до смерти забили! Куда полиция смотрит? Свидетелей сколько, номера известны, а поймать никого не могут! Все, зеленый – можно идти!

Обеспокоенный положением на дорогах гражданин посмотрел по сторонам и марафонским шагом пересек проезжую часть. В забеге приняли участие все пешеходы плечом к плечу.

Моргнули желтые светодиоды, белая Калина остановилась в левом ряду. Звуковая волна прошила кузов. «Что еще за паровоз такой?» Петр Петрович, поджав губы, наблюдал в зеркало, как «Хонда Пилот» выруливает на встречку. Едва не задев левую фару, встает на пешеходном переходе.

Мажорики ***вы, вздыхает Петр Петрович.

«... в связи с осложнением оперативной обстановки срок командировки продлен на два месяца. Выслугу командированным сотрудникам исчислять как 1 месяц за 3 с соответствующими выплатами...»

– Твою мать! Чем они только там занимаются?! – стукнул по столу Феликс Прокрустович.

2011

Блогерам посвящается

Тонкие кожаные перчатки фирмы ESMEE без подкладки. Все равно трудно привыкнуть к тактильным ощущениям. Чистыми руками все ощущается емче, правдивей. «Чистые руки» остались в прошлом. Облаченные в кожу подушечки пальцев не оставляют папиллярных узоров на клавиатуре. Ноутбук на столе как менеджер с Уолл-стрит в гарлеме. Тарелки с заветренными роллами, окурки в лужах сивушных масел, бутылки, грязные бокалы как в тумане в свете ночника. Один из бокалов со следами помады бородач сунул в карман куртки. Бородач двигал мышью по очищенному участку, границей которого была затворная рама ПМ. Глушитель направлен в сторону дивана. Металлический цилиндр придавил банковскую платежку, свидетельствующую о получении 20 000 рублей со счета веб-мани господином Кревлецким В. К.

Сам Виталий Казимирович сидел на диване в одних джинсах. Заплывшее салом тело 30 лет отроду имело вид просроченного товара.

Виталий оторвал затылок от подушки, в голове затолкались полушария. Разлепив веки, Кревецкий увидел, что за его родным ноутбуком сидит обезьяна в кепке. Нет, это бородач! Под рукавами куртки прокатились банки, правая кисть шевельнулась, звякнула тарелка. Пистолет! Ви-

талий подобрался, утер слюну:

– Ты сутенер?

Ведь заплатил же! Виталик вспомнил девчонку в мини-юбке, десятку, в окно которой совал деньги. Кстати, где эта ****а, только что стриптизершу из себя корчила. Любитель клубнички повертел головой.

– Мы одни, тихо сиды, да! – кавказский акцент и движение пистолетом оказали гипнотическое действие. Виталик захлопал глазами, сдвинул колени, куски сала свесились над поясом.

– Нет, я не сутенер, хотя это будет зависеть от результатов нашего разговора. – в бороде сверкнули зубы.

– Лучше быть живой проституткой, чем мертвым блогером. Хотя это и так одно и то же. – туманно выразился кавказец. Акцент пропал, но замороженный Кревлецкий не обратил внимание.

– Я поговорить пришел к тебе, Евпатов Андрей, или Веселый страус? А может, Крысомор, или Миша Всеславный? Так как, Виталий Казимирович, к тебе обращаться? А в трудовой книжке так и прописано: «блогер»? Есть такая профессия?

– Хотя, – усмехнулся бородач, – моя деятельность тоже в трудовом кодексе не прописана. Да и не платит мне никто – за удовольствие работаю.

Тихая речь немного успокоила Виталия, глазки забегали, ладошки сжали сиденье дивана. Вскочить, прыгнуть к двери,

закричать.

Рядом с плечом вспоролась спинка дивана. Со стороны ноутбука прыснула темная струя газа. Хлопок по ушам. В нос ударил запах пороха.

– Даже не думай! Я тебя насквозь вижу, даже дырку в голове делать не надо. – зарычал кавказец.

– С детства ты не любил работать. В школе физика с химией тебе не давались, поэтому ты причислил себя к гуманитариям. Точные науки для ограниченных, подобных флюсу, ты же возвышенной души человек. По****еть с такими же ебланами, в роли которых учителя-неудачники, вот это тема для прыщавого подростка. На ту же физкультуру пускай быдла идут, у тебя освобождение. ****ьник тогда еще отшел, типа солидности придает. К 18 годам куча болезней обнаружена знакомым терапевтом. Военные врачи поделили родительские деньги, с белым билетом весь мир на ладони!

Ты же, как все дети, хотел стать менеджером. Чтобы с 9 до 17 в офисе по сети в кваку рубится, или что там сейчас, в контактах порнуху смотреть, на корпоративах водку с пивом намешивать. В кредит иномарку взять, квартиру в ипотеку. Но сны не всегда сбываются. Настоящий управленец всегда в состоянии конфликта. А иначе, если все работают за*бись, и менеджеры не нужны – нужны специалисты. Правильно с людьми конфликтовать – большая наука для зрелых пацанов. Не вышло у тебя менеджером стать. Куда деваться? Не на завод же идти, болванки таскать, гайки кру-

тить! В журналисты, в писатели, бл*дь ! а на *** ты там нужен? Чтобы что-то дельное писать, надо сначала кучу книг прочитать. Снова облом. А тщеславие в яйцах чешется! Интернет, бл*дь! Халявный почти. Сидишь дома, завел «жежешечку» – напярчь умишко, сайт сделать да еще платить за него – в падлу, и пишешь туда и комментируешь статейки в рамблерах под разными никами, подрядившись за копейки. Растет самосознание, ты, оказывается, во всем разбираешься, все знаешь, бл*дь!

Бородатый давно забыл про акцент, зато пистолет направлен прямо в брюхо, поэтому поправок со стороны несостоявшегося менеджера-журналиста не последовало.

– А выборы для тебя вообще Клондайк! Главное, в нужное место нос засунуть, подрядится за 30 шекелей у господ-товарищей партийцев. И пишешь ты теперь как «За Русь» о засилье жидов, как «Хаим Векслер» ужасаешься русским фашизмом, как «Виктория» взываешь о братстве и толерастии, «Ястреб» у тебя поносит русский народ, «Викинг» призывает резать таджиков!

Бородач разбушевался, пинком опрокинул стол, прыгнул к блогеру на диван. Глушитель воткнулся в пухлую щеку Виталия, трахею сжали железные пальцы. Вращая глазами, бородач продолжал озвучивать приговор. Об апелляции Кривецкий даже не думал. Его организм облегчил прямую кишку, но «судья» не обращал внимания такие издержки.

– Кто ты после этого? Провокатор и проститут! Ты же сво-

ими словами судьбы ломаешь, жизни калечишь! А ты знаешь, что за слова надо отвечать? Как всем интеллигентным людям. Думаешь, как я тебя нашел? Вы же, интеллигенты, народишко тщеславный. Для таких и придуманы социальные сети, чуть покопаешься в ваших хвастливых откровениях и никакой базы данных не надо.

Обвинитель почесал бороду, Виталий глубоко вздохнул, задохнулся собственными миазмами, выдохать пришлось тоненько через нос. Губы расплющила ладонь, язык лизнул тонкую кожу перчатки фирмы ESMEE. «Последний выдох, последний вдох...», вспомнил Кревлецкий залихватскую песню Жана Сагадеева.

– Нет, пожалуй, тебя к интеллигентным людям нельзя причислять. Такие как ты – это паразиты общества. Вы же как хотите – чтобы у вас все было и чтобы за это ничего не было! Лупиться в зомбоящик, жрать чего подадут, а потом рассуждать с умным ****ом о том, чего не знаешь. Обкладывать ***ми правительство и пользоваться льготами, требовать сильную руку, но полицейские чтобы как из балетной школы с английским уклоном. Жалеете жуликов и наркоманов, но сразу бежите в ментовку, как телефон из кармашка тиснут. Вялые седалища и геморрой считаете издержками своих героических блогерских будней. Хотите вкусно жрать и пиво пить, а жир на пузе считать мускулатурой. Соленым огурцом водку закусывать и наступившую дебилность считать удалей. Стрелять вас надо!

Глушитель сильнее вдавился в щеку, Кревлецкий зажмурился, последние фекалии покинули кишечник, челюсти задрогали, последние слова оправданий рвались наружу...

Кабанов дернул головой, выпрямился на сиденье. Глаза разорвала белая вспышка. Через мгновение спектр наполнился различной длиной световых волн, обозначилось грязное ветровое стекло, за ним буйство весенних красок.

«Приснится же такое. Стал бы я рассусоливать, шлепнул и все дела». Дмитрий Петрович оторвал руки от руля, открыл перчаточный ящик. Фальшивая борода, тюбики с гримом на месте. Понюхал правую ладонь между большим и указательным пальцами. Тонкая кожа перчаток ESMEE пропитана фирменными дубильными веществами. В изысканном запахе примеси сгоревшего пороха не ощущалось. Кабанов развернул ладони, телячья кожа перчатки на левой руке надорвана, в бороздках явственно угадывались следы зубов.

«Один ***, перчатки выкидывать». Кабанов всегда без сожаления избавлялся от предметов, способных стать уликами в уголовном деле.

2012

Собака Кабанова

Как тепло! Все вокруг блестит на солнышке.

Котенок жмурился, в желтизне оболочки едва угадывалась нитка зрочка.

Черное ухо среагировало на стук по асфальту, из-за угла дома вышли они. Большие звери, ходящие на двух ногах.

Мама велела всегда бежать от них, не слушать их призывные звуки, даже запах не вдыхать, какой бы он ни был! Но до окошка в родной подвал высоко, двуногие все ближе. Какие они разные – кто стучит по асфальту большой зверь, а его дитеныш совсем маленький, раз в пять меньше. Держаться лапами друг за друга. Маленький заметил меня, тянет свободную лапу! Мама говорила, если некуда бежать, надо увеличиться в размерах!

Котенок выгнул спину, попробовал распушить шерстку, но среагировали луковицы волос только на хвосте.

– Мама, смотри! – Девочка лет 4-х тянет руку к мохнатому клубочку. – Это котик? Прямо как в книжке был нарисован!

Молодая женщина остановилась, с удивлением посмотрела вниз.

– Да, Оленька, это котик. Какой хорошенький! – женщина улыбнулась, но продолжала держать руку дочери, не позволяя приближаться к котенку. – Надо же, они еще остались на улице.

Из подвального окна к котенку метнулась тень. Тень зашипела, котенок оглянулся, еще больше выгнул спину и попытался вторить матери. Вдвоем они прогонят больших зверей!

Женщина в испуге дернула за руку дочь, та мгновенно заплакала, впечатлившись больше от кошкиного шипения.

Котенок почувствовал на загривке материнский прикус. Так, хвостик поджимаем! Через мгновение котенок полетел ввысь, зрачки расширились, подвал встретил знакомыми запахами.

Припекает! Неохота вставать, старею. Снова забегали, отношения выясняют, статус устанавливают. Стая большая, щенки вырастают, все как на подбор рослые, того и гляди примутся в жоаки лезть. Вроде и самок полно, и двуногие в городе отстреливать не решаются, а жратвы мало становится! А когда-то кошек полно было, вроде мало мяса и загонять только стаей, но безопасно и вкусно, вошь меня задери!

Резким движением огромная дворняга впиалась в свою ляжку, передние зубы перемололи блоху, заодно почесали зудевшее место.

Как хорошо, слушай! Как в Душанбе солнце!

Смуглый мужчина быстро перебирал пухлыми ногами по щебенке. Через пустырь с долгостроем кратчайший путь к вокзалу. Мужчина шевелил губами, улыбался, блестя коронками.

А в кармане рублики, урусы чебуреки раскупают, как

перцовку в аптеках. Муки надо прикупить, парни в подвале кошку с котятами нашли почти удачно, только Хаким чуть глаза не лишился – кошка, сволочь, кинулась. Ничего, осторожнее будет в следующий раз! Собак бы помельче найти, а то, сволочи, вымахали все, не подойдешь. Как это называют – естественный отбор! Вот же сволочь, как накаркал – стая дворняг справа! Уходить быстрее надо, пока не заметили, а завтра с отравой сюда придти!

Огромный старый пес внимательно следил за человеком, блошинные укусы забылись, ветер доносил до ноздрей знакомые молекулы.

Спокойно, только бы щенки не сорвались раньше времени, не заорали бы, пытаясь напугать. Молча надо дело делать! Двуногий идет один, походка семенящая, уже увидел, опасается. В руках ничего нет. Тихо, спокойно пошли. Ветер в нашу сторону, двуногий давно не мылся, странно, кошками пахнет. Какой сладкий запах!

Пес поднялся и размеренно, чуть пригнув голову, побежал в сторону работника быстропита. Еще несколько собак, повизгивая от нетерпения, бежали вровень с вожакom.

– А-а-а!!! Шайтан!!!

Кабанов откинулся на спинку дивана, с возрастом позвоночник дубел после трудового дня. Массаж нужен, массажистка нужна. Женится что-ли? Дмитрий Петрович улыбнулся, посмотрел на немецкую овчарку, лежавшую между ним и зомбоящиком. По телевизору сиястая корреспон-

дентка пуляла словами как из МГ-42 – шла передача типа «666 секунд». Кабанову показалось, что собака подмигнула. Рэм поднял голову, чтобы не смущать психику хозяина, высунул язык, часто задышал.

– Скандально известным музыкантам из группы «Pussy Riot» вновь продлили меру содержания под стражей. Адвокаты взывают к общественности помочь бедным девушкам, судьба которых в руках ханжей, облеченных в форму.

– ****ы с ушами, блять! – что греха таить, Кабанов временами разговаривал с телевизором.

– Они бы в мечети ляжками потрясли, их бы матку сожрать заставили! Заложницы системы, блять!

– А теперь о местных происшествиях. – продолжала трести сиськами корреспондентка.

– На пустыре возле железнодорожного вокзала обнаружен труп неустановленного мужчины, предположительно гастарбайтера. По многочисленным рваным ранам на останках эксперты заключили, что мужчину загрызла стая собак.

Кабанов убавил звук, взгляд упал на книгу, лежавшую под телевизором. Конан-Дойл «Собака Баскирвилей».

– А что, Рэм, не поработать ли тебе на благо Родины? Нет, не твоей исторической, а вот этой нашей, общей, которая раньше Российской империей называлась.

Пес склонил рыжую голову, глаза немигающее впились в хозяина.

Ничего вы, люди, не понимаете! Немецкая, Шотланд-

ская, Австралийская овчарка, да хоть Кавказская! Родина – там, где родился, где живут те, кого будешь защищать, ради кого пойдешь на смерть!

2012

Фирма, которая прогорела

– Не ходите за мной! Не отец я вам! – молодой мужик топал валенком и махал руками.

Стая пингвинов хлопала ластами, в восторге запрокидывала оранжевые головы и радостно гоготала.

Годом ранее...

– Сядь, Федор, у меня к тебе серьезный разговор! – Андрей достал из-под стола литровую бутылку «Столичной».

– Доколе! – Андрей стукнул кулаком по столу, раздался звон столкнувшихся тарелок. – Доколе мы будем жить как нищие в нашей богатейшей стране! Или она на откуп олигархам отдана?

У Федора выкатились глаза то ли от бриллиантового блеска бутылки, то ли от смелой сентенции. Он энергично потер ладони, аж мозоли затрещали.

– Не особо и серьезный, но поговорить можно.

Федя пристроил пальто с шапкой на вешалке и метнулся к столу. Андрея обдало холодом.

– Замерз? Давай-ка для сугрева, потом поговорим.

На покрытом недельной давности газетами столе стояла ополовиненная бутылка, в тарелках по майонезу, спасаясь от вилки, скользили пельмени. Андрей стукнул стаканом по столу, хрупнул соленым огурцом.

– Почему наша экономика в прямой кишке догнивает?

– Инновации старые и онанотехнологиями Чубайс заправляет. – отрапортовал Федор.

– Все верно, май фрэнд, – перешел на английский Андрей и пятерней отправил в рот полкило квашеной капусты. – Учиться нам у Запада надо, опыт перенимать!

– Ты что-то скопипастил, фрэнд? – на языке Шекспира спросил Федя.

– Вот что я надумал, – склонился над столом Андрей, с губы упала полоска капусты, добавив газете масляных пятен.

– Покупаем в Краснодарском питомнике страусов, обносим территорию вокруг сарая забором, пусть птички по кругу носятся, мышцы качают. Летать они не умеют, пастись на лугу возле озера будут. Озеро загогулиной – через воду не перебегут, нам только одну сторону контролировать придется. Через полгода у нас и мясо и яйца...

– И молоко.

– Молоко только у млекопитающих, деревня! Их потому и зовут так – млекопитающие!

– Да пошутил я.

– А я серьезно! Это ж неподнятая целина, Клондайк, Эльдорадо! Один страус килограмм 50 весит, яйца по килограмму, перья на шляпы продавать будем!

– Скачки устраивать.

– Во и тотализатор забацаем! – у Андрея в глазах уже цифры, как в игровом автомате, завертелись.

Федя взял из пачки на столе сигарету, прикурил и прошел

к окну. Открыл заиндевевшую форточку, выпустил струю дыма в фиолетовый прямоугольник.

– Друг, а страусов в сани запрягать можно?

Андрей сложил брови домиком.

– Посмотри в окно, – продолжал дымить Федор, – на дворе снега по яйца и мороз под 30! Как мы африканских птиц обогревать станем? Водкой поить? Нерационально, не находишь?

– Твою мать! – грохнул кулаком по столу прожектер. – Я ж совсем забыл, что февраль на дворе – я после 23-го еще из дома не выходил.

Андрей опустил голову, взгляд упал на рекламное объявление в газете. «Новая программа «Ледниковый период!» Впервые на арене городского цирка дрессированные пингвины! Георг, Шкипер и Цаца подарят вам только положительные эмоции!» Андрей смахнул капустные ошметки. На зернистой замаслянной фотографии улыбались и махали ластами три императорских пингвина.

– Какой сегодня день?

– Двадцать седьмое.

– Значит завтра последний день. – пробормотал Андрей. – Вот наше светлое будущее! В цирке!

– Ладно зимой, – горячился Федор, – а летом? Они же запарятся в шкуре своей.

– В зоопарках не парятся, а у нас запарятся! Они что там на севере – от хорошей жизни бичуют? Были бы крылья, враз

на юга махнули! – с пеной у рта убеждал Андрей.

– Они и так на самом юге живут вроде.

– Ты понял, что я хотел сказать. У нас им будет гораздо интереснее – полгода вроде как дома в прорубь за рыбой ныряют, полгода как на курорте. Главное, ни улететь не смогут, ни убежать – руки, ноги короткие. Кстати, о шкуре – будем еще шапки шить, варежки всякие. Фирму назовем: «Петров, Таранов и Серафим».

Федор почесал затылок.

– Ладно, проект чисто гипотетически выгодный. Только пингины вроде в Красной книге. Посадят нас!

– Если раскрутимся, не посадят! Где это у нас олигархов сажали?

– А Ходорковский? – не унимался Федя.

– Мы в политику не полезем. Там без нас пингвин на пингвине! И потом, под запретом отлов диких, а у нас домашние пингины будут! Разницу улавливаешь? Криминальное происхождение только у первых особей будет. Так, если хочешь знать, все миллионеры начинали.

– И как мы до Антарктиды доберемся? Ни загранпаспортов, ни денег.

Андрей постучал пальцем по лбу.

– Ты меня совсем не слушаешь! Вот, – палец ткнул в газету, – наша Антарктида!

– Ты все-таки их с****ить решил?

– Не «с****ить», а экспроприировать – вот слово-то, язык

прикусишь, после него Ленин и начал картавить. – прокряхтел Андрюха. – Экспрпр... эспропри... живодеров, короче. Ты со мной?

– Разве что живодеров. – вздохнул Федя. – С тобой.

– Тогда завтра заезжай за мной, в город поедем на представление. Я пока план продумаю.

– Ха, смотри, – показывая пальцем, ухохатывался Андрюха, – Машка за тобой также носится.

На арене за клоуном торпедой носился пингвин. Черно-белая птица хлестала лапами, щелкала клювом.

– Только что без сковородки!

Федя постарался насупиться, но уж больно пингвины смешные были.

Погасли огни рампы, стихли шаги уходящей публики, артисты загоняли зверей в клетки. Друзья спрятались в рядах кресел.

– Часа через два пойдем. – зашептал Андрюха. – Не думаю, чтобы там на клетках замок особенный. Я тут отмычки припас. Там на выходе только сторожа останется пройти, но и для него у меня военная хитрость имеется.

– Что он у тебя крикает? Ты ему клюв запечатаешь или нет?

– Да я стараюсь! Скотч рвется!

– Что ты творишь? – выпучил глаза Андрей. – Клюв обматывать надо! Вот, смотри как у меня!

Андрей показал пингвина с такими же выпученными гла-

зами и мотком скотча на клюве.

– Принимай Цацу. Я сейчас третьего наряжу.

– А вы кто такие? – подслеповато жмурясь, спросил сторож.

– Да мы ж вот с детьми заблудились, дед! – Андрей вел, держа за рукава, двух пингвинов, одетых в детские польтишки. Федя своего «дитенка» нес на руках.

– Замаялись, поди ребятки, – покачал головой сторож. – Вон, еле ходют. Носатенькие какие! Еврейцы что ли?

– Ты, дед, антисемит?

– Да ты что! – засмутился сторож. – Пойдем, пойдем, выведу вас отседа.

– Мы их, разумеется, переименуем. – Андрюха восхищенно смотрел на пингвинов, синхронно хлопающих глазами на заднем сиденье.

– И перекрасим. – Федя вырулил на трассу.

– Шути, шути. А назовем Борька, Ромка и Валентина.

– Почему так?

– Чтобы олигархов представлять, когда резать будем.

Фирма «Петров, Таранов и Серафим» начала свою подпольную деятельность. Пингвинов устроили в коровнике. Перегородки сломали, пол вычистили, настелили свежего сена. Пованивало немного, но не больше, чем в цирке. Первые дни пингвины носились по сараю, выделявая разные трюки и напрашиваясь на аплодисменты, но затем смекнули, что их кормят даром. Ромка с Валентиной оказались парой, а Борь-

ка холостяком. Но жили дружно, без извращений. Кормил их все больше Федор, Андрюха занимался финансами – где подешевле рыбий фарш купить, биодобавки, стероиды для роста пингвинячей массы.

Таблетки Федор выбрасывал тайком, боялся, фармакология на потенции скажется, и дети у Ромки с Вале́й мутантами окажутся. Для моциона и экономии средств Федор выпускал пингвинов в озеро. Пингвины с щенячьими визгами прыгали в прорубь, выпрыгивали из нее с карпами в клювах, угощали друг друга и Федьку. Так Федора полюбили, бегали за ним, как кутята.

Весной Валентина снесла яйцо. Андрей потирал руки, а Федор теперь и ночью проводывал питомцев.

– Так! Это что же, ты уже с пингвинами спишь? Скоро водку с ними трескать будешь! – вопила Маня, луч от фонарика высветил Федьку на сене.

В ногах у Фе́ди звякнула бутылка о стакан, а под рукой шевельнулось теплое пернатое тельце.

– Что уже! Сам алкаш, так еще и животных спаиваешь! Ты не трахаешься с ними еще?

– Ты чего, Мань, это ж Борька! – у Федьки по-кошачьи светились глаза.

– А чего *** напрягся? Сейчас пуговицы на ширинке отлетят! На пингвинов у него встает, значит, а со мной в постели еле червяком шевелится! – вываливала скелеты Маня.

Андрюха уже несколько минут ходил из угла в угол. Фе-

дор сидел за столом и что-то подозревал. Собрание учредителей было внеочередным.

– Я договорился с рестораном о поставке пробной партии мяса. – выдавил Андрей. – Надо выходить на рынок. Пока там распробуют, рекламу запустят, к этому времени третий выводок подрастет. Короче, надо резать. На то мы и бизнесмены.

– Кого? – поперхнувшись, спросил Федор.

– Борьку, разумеется. Он же холостует.

– Он вроде к одной уже клинья подбивает.

– Инка еще птенец, нечего педофилию поощрять. Веди этого извращенца! – распалил себя Андрюха.

– Не могу! – Федор дрожащей рукой держал нож и смотрел в глаза Борьке. Пингвин переводил взгляд с лезвия на Федьку, склонял оранжевую голову и жмурился. Мол, неужели посмеешь, неужели предашь мужскую дружбу.

– Дай я! – Андрей забрал нож из дрожащей руки. – Смотри, мать Тереза!

Андрей замахнулся, пингвин нахмурился и покачал головой. Андрей положил нож на стол.

– Знаешь, Федя, давай выпьем. На агрессию пробьет.

– Давай Борьке нальем перед казнью.

Через полчаса Андрей, Федя и Борька, обнявшись, каждый на свой лад горланили «Три танкиста».

Фирма «Петров, Таранов и Серафим» прогорела изнутри.

2012

Avenger

Майское солнце только начало прогревать воздух. Отблески мелких волн напоминали о купальном сезоне, но от широкой реки веяло холодом. Вдоль берега бежал коренастый молодой человек, до города оставалось с полверсты. Мирно совершавшие променад мещане отступали в сторону, провожали взглядом скромно одетого парня. С молодого человека слетела фуражка с околышем реального училища, но тот лишь вытер капли пота с высокого лба. Владимир летел артиллерийским снарядом, взгляд заставлял разночинный народ сходить с линии прицела. Перед глазами мрачные камни Шлиссербургской крепости, брат, не уступающий по твердости крепостным камням. хищно раздвигаются толстые крылья носа, легкие кузнечными мехами перегоняют прохладный воздух, сердце сжигает кислород, толкая горячую кровь по тренированному телу.

Гравий под ботинками сменился мостовой, несколько переулков, и разошедшиеся ступеньки крыльца скрипят под тяжестью шагов. Рывком распахнув дверь, Владимир видит мать в черных одеждах, седую склоненную голову, бумагу с гербом на столе. Женщина не взглянула на сына, казалось, горе превратило ее в мрамор. Сгорбленная фигура на плетеном стуле навсегда отпечаталась в памяти. Владимир не в силах поверить известию, дошедшего до него в училище, берет

бумагу со стола. Уведомление. Слова расплывались, шрифт утратил четкость, молодой человек сжал зубы, лоб прорезала морщина. «В помиловании отказано... приговоръ приведен в исполнение...» бумага падает на пол, Владимир сжимает плечо матери, не в силах найти слов утешения. Навернулись слезы, юноша заморгал, развернулся от матери. Некогда рыдать по павшим, надо мстить!

Владимир бросился в комнату брата. Из всей мебели в маленькой комнатке узкая деревянная кровать, стол, шкаф, набитый книгами и обитый железом сундук. Александр в шутку называл свою обитель склепом – небольшое окно было зарешечено. Владимир своим ключом открыл сундук. Под тяжелой крышкой немудреная одежда, которую в былые времена носили оба брата. В отрочестве Владимир приналег на физкультуру и через пару лет слишком велика стала разница в телосложении. Владимир двумя движениями очистил сундук, с силой нажал на дно в условном месте. Щелкнула пружина, край дубовой доски приподнялся. К этому времени глаза стали сухими, движения четкими. Владимир поднял фальшивое дно, принялся выкладывать на стол наследство брата. Стопка рукописных листов с чертежами бомб, револьвер, кинжал в ножнах и книга на немецком языке. «Das capital» – потертое золото латиницы на черной обложке.

Владимир сунул револьвер за пояс, взял кинжал в руки. Задумчиво потянул за рукоятку, сверкнула сталь обоюдоост-

рого клинка. кого громить? жандармское отделение провинциального городка? суд? до царя далеко. И что такое один человек, когда будет струиться его кровь в потомках! Владимир заворожено посмотрел на клинок, взгляд опустился на стол. Вот она – утопия бородатого теоретика.

– Нет! – удар был такой силы, что клинок насквозь пробил томик Маркса и на полдюйма воткнулся в стол.

– Мы пойдем другим путем!

Ноябрьский вечер, легкий морозец. Дворники давно убрали пожухлую листву с мостовой, снежный песок набился в щели камней, образуя привычную мозаику питерской улицы. в такую погоду в трактире бы сидеть за самоваром или за бутылкой беленькой. Стекло витрины с надписью «Аптека» отражает пламя костров, груды наваленных мешков, перевернутые подводы, мелькающие фигуры мужчин.

– А чего, мужики, выгодно устроились – ежели ранят кого, вот она аптека, никуда бегать не нать!

Сдержанный хохоток прервал строгий голос:

– Посерьезней товарищи! Не забывайте, жандармы усилены казачьими частями, они к нашему рабочему классу не шибко хорошо настроены, наймиты царские! А ты, Михеич, расхолаживаешь народ.

Пожилой мужчина в распахнутой тужурке подошел к группе, сидящей у костра, за поясом торчала рукоятка револьвера.

– Вон оно чего – наган ему выдали, так сразу командовать! – Михеич пыхнул папиросой, оглянулся на товарищей.

– Нам бы, Петрович, оружия поболее, да патронов, всю власть бы поганую своротили!

– Да, если б рабочий класс вооружился, никакие наймиты не сунутся! – поддержали Михеича.

Рабочий люд был вооружен абы чем: обрезы охотничьих ружей, самодельные запалы, бутылки с керосином да пара наганов. Да развороченная на булыжники мостовая.

– Внимание, товарищи! Что-то там происходит! – Петрович припал к мешкам с песком, всматриваясь в противоположную часть улицы. Метрах в ста освещенная газовым фонарем серая шеренга заволновалась, послышались свистки, к центру, прижимая шашку к бедру, побежал офицер. Шеренга жандармов развалилась, серые шинели разметало, как гороδοшные чушки. Из образовавшейся бреши вылетели кони.

– Казаки! – Петрович вытащил наган. – К оружию, товарищи.

Рабочие развернулись по баррикаде, напряженно всматриваясь в темноту.

На них летела двуколка, плотный возница стоя бьет кнутом лошадей. Послышались выстрелы, крики «Стой!»

– Не стрелять, мужики! – Петрович приподнялся и закричал в обе стороны. – Это нашенький – товарищ Ильин!

Через минуту Ильин, не обращая внимания на выстрелы, лихо развернул бричку у баррикады. Пружинисто спры-

гивает, улыбается рабочим, сжимает руку Петровичу:

– Здравствуйте (от возбуждения получилось «здгавствуй-те»), товарищи! Разбирайте оружие!

– Много привезли?

– На сколько денег хватило. – Ильин снял картуз, вытер рукавом лобную затылочную.

– Кавказские товарищи в этот раз мало прислали, что-то там с эксом не заладилось. Так что всего по десятку винтовок и револьверов, да пару ящиков с патронами. Разбирайте, товарищи!

Рабочие, оживленно переговариваясь, начали разбирать вооружение. Ильин заметил, что у некоторых дрожат руки, другие держат винтовку, как будто поймали гадюку.

– Навыка нет, товарищ Ильин. – Заметил Петрович. – Мы же рабочие, а не военные.

Ильин задумался на минуту, оглянулся на серые шинели.

– А если, товарищ, сам царь народу оружие даст, да к тому же выучит воевать, а? – Ильин хитро прищурился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.